

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОГЕНЕЗ НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ В КОНЦЕ 90-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Белорусская идентичность в период XIX – начала XX вв. формировалась в контексте двух сравнительно развитых (польской и русской) культурных традиций, которые существенным образом влияли на формирование национальных идентичностей населения региона. Этот факт по-разному осмысливался в учебной литературе для высшей школы по истории Беларуси, издававшейся в 1990-х – начале 2000-х гг. В качестве примера можно указать следующие пособия по белорусской истории для студентов высших учебных заведений: «Нарысы гісторыі Беларусі», изданные в 1994 г., выдержавшие 3 переиздания «Очерки истории Беларуси» П.Г. Чигринова (последнее в 2007 г.), рекордсмен по переизданиям «История Беларуси с древнейших времен до нашего времени» (последнее седьмое издано в 2008 г.) авторства И.И. Ковкеля, Э.С. Ярмусика, учебное пособие Я.И. Трещенка «История Беларуси» (2004 г.).

Модель объяснения процессов в культуре и становлении белорусской идентичности в большинстве пособий выстраивалась по следующей схеме: белорусская культура и идентичность формировались вопреки польской и русской культурам и практикам национального строительства. В частности, П.Г. Чигринов указывал на то, что белорусская национальная культура складывалась под воздействием польской и русской культурных традиций, причем его степень варьировалась в зависимости от того или иного периода: в первой половине XIX в. доминировало польское влияние, после польского восстания 1863 г. преобладало уже русское. Отмечалось, что внутренняя политика российского правительства была направлена «против влияния польской культуры», но при этом «она объективно сдерживала развитие и белорусской» [5, с. 228]. На страницах пособия П.Г. Чигринова говорилось о том, что «русская, как и польская общественно-политическая мысль, в своей основе не воспринимала существования белорусов как самостоятельного этноса» [5, с. 249]. Отсутствие белорусского литературного языка к началу XX в. в пособиях И.И. Ковкеля и Э.С. Ярмусика объясняется тем, что «он был языком угнетенной нации, не имеющей своей государственности» [2, с. 176].

Только в двух пособиях акцентируется наблюдение, что идеология будущего белорусского национального движения формировалась представителями социальной группы, которая находилась под влиянием польской культурной и национальной традиции. В частности, Я.И. Трещенок в публицистической форме выразил эту мысль следующим образом: «трагедией новорожденного белорусского национал-экстремистского движения стало то, что оно изначально возникло в сектантской ренегатской среде ополяченной

шляхты, этнокультурно и конфессионально противостоявшей православному большинству белорусского народа» [4, с. 149]. На страницах критикуемых Я.И. Трещенком «Нарысаў гісторыі Беларусі» также указывалось, что «предвестниками белорусского национального движения явились местные интеллигенты – писатели, публицисты, этнографы, которые в первой половине XIX в. заинтересовались белорусским этносом, стали изучать его песни, сказки...» [3, с. 349]. В качестве примера этих местных интеллигентов называются Я. Барщевский, Я. Чечот, А. Рыпинский, В. Дунин-Марцинкевич. Вместе с тем в пособии отмечалось, что «все они, однако, считали себя поляками и творчество на белорусском языке для большинства из них не являлось главным делом их жизни» [3, с. 342]. В других изданиях вопрос о культурном генезисе активистов белорусского национализма фактически не ставился и лишь констатировалось появление в 1903 г. Белорусской социалистической громады (БСГ), претендовавшей на роль главного выразителя национальных интересов белорусского народа. При этом проблема заключается в том, что монополия на термин «белорусское национальное движение» в учебных пособиях резервируется за идеологами БСГ и публицистами газеты «Наша ніва». Исключением в этом отношении являлась лишь книга Я.И. Трещенка.

Еще одной важной особенностью этих пособий являлась теоретическая трактовка проблемы формирования белорусской нации. Представляется, что большинство исследователей в вопросе о сущности нации пользовались концепцией, разработанной еще в рамках советского обществоведения. В частности, они связывали появление нации с капиталистической системой экономических отношений и, отмечая на территории белорусских губерний появление современной инфраструктуры капитализма: рыночных институтов и новых социальных групп (рабочие и буржуазия), развитие общероссийского рынка, делали вывод о том, что это привело к формированию белорусской нации. Например, в пособии под редакцией И.И. Ковкеля и Э.С. Ярмусика утверждалось, что в «процессе формирования нации экономическая общность выходит на первый план и становится определяющим признаком, на основе которого происходит дальнейшее развитие остальных» [2, с. 147]. Далее на его страницах сообщаются данные, которые призваны подтвердить тезис об активном участии населения белорусских губерний в формировании общероссийского рынка. Однако в таком случае остается только догадываться, почему это не приводило к формированию в пределах белорусских губерний российской национальной общности. Впрочем, авторы, понимая возможность такого продолжения данной мысли, справляются с этим противоречием достаточно просто: утверждается, что в конце XIX в. «на территории Белоруссии сложился национальный рынок, который сыграл решающую роль в формировании других признаков – общности территории, языка, культуры, психического склада и объединил их в единое национальное целое» [2, с. 147–

148]. Похожий, но более осторожный, ход рассуждений о генезисе нации содержится в «Очерках истории Беларуси», в которых «общность экономической жизни» тоже названа «основополагающим» фактором при формировании белорусской нации [5, с. 248], при этом этот «единый национальный рынок» являлся частью общероссийского, видимо благодаря чему «белорусская аграрная буржуазия не осознавала своей национальной принадлежности, зачастую безразлично и даже враждебно относилась к проявлениям национального движения» [5, с. 248].

Иной подход излагался в пособии Я.И. Трещенка. Последний утверждал, что с точки зрения российского правительства «белорусов причисляли к господствующей имперской русской нации, и они рассматривались как полноправная ее часть» [4, с. 151]. В отличие от авторов цитированных выше пособий, Я.И. Трещенок, отмечая терминологическую неопределенность понятия нации, в качестве рабочего принимал следующее определение: белорусская нация – это «гражданское общество, сформировавшееся на основе белорусского этноса». Однако далее им делался, как представляется, достаточно дискуссионный вывод о том, что «белорусская нация формировалась в государственном союзе с российской». Историк предполагал, что дальнейшее «демократическое развитие страны неизбежно должно было привести к формированию в рамках этого союза национальных белорусских государственных институтов в той или иной форме» [4, с. 153]. Поскольку сам Я.И. Трещенок говорил о русской нации, которая мыслилась имперскими властями в качестве интегральной для великорусского, белорусского и малорусского этносов, то скорее следовало говорить о формировании на территории белорусских губерний институтов гражданского общества в рамках проекта большой русской или общерусской нации, причем белорусское население активно создавало и участвовало бы в деятельности этих институтов: от периодической печати до выборов в органы местного самоуправления. В таком случае следовало бы предположить, что в перспективе это привело бы к закреплению общерусской национальной идентичности среди местного населения при развитии и консолидации на местах локальной, белорусской идентичности. Не случайно сам автор писал о дуалистической сущности белорусской идентичности, в которой сочетается память и переживание своей принадлежности к общерусской культуре и самосознанию с одновременным осознанием своей белорусской, локальной идентичности. Одним словом, продолжая и дополняя мысль Я.И. Трещенка, в дореволюционной России по мере развития демократических институтов гражданского общества вырисовывалась бы модель, принятая в современной Германии, где идентичность немецкого населения отдельных земель, основанная на исторической памяти о собственной государственности и культурных особенностях, также имеет дуалистический характер. Ярким примером является

идентичность жителей Баварии, которые в зависимости от контекста именуют себя баварцами и немцами, обладая двойной идентичностью. В этой связи тезис о становлении в пределах одного государства белорусской и российской наций при, со всеми оговорками о ее недостаточной системности и последовательности, политике российских властей, нацеленной на формирование большой русской нации, кажется маловероятным вариантом.

Представляется, что возможность возникновения и процесс формирования наций связан не столько с капитализмом как таковым, сколько с возникающей инфраструктурой индустриального общества (массовым образованием, системой коммуникаций, урбанизацией), благодаря которой на массовом уровне распространяются представления о принадлежности к национальному сообществу. В противном случае станет непонятен весь последующий белорусский нациогенез в СССР при отсутствии в его границах такого явления как национальный капиталистический рынок. Вместе с тем можно рассуждать о советском варианте индустриального общества. Если отказаться от выдвигания на первый план экономической составляющей нации как продукта капитализма, а отнести ее к политическому феномену эпохи индустриального или современного общества, то тогда можно разрешить противоречие между описанием в учебных пособиях становления общероссийского рынка в белорусских губерниях на рубеже XIX–XX вв., что должно было бы приводить к укреплению русской нации согласно логике советского обществоведения, и возникновением идеологии отдельной белорусской национальности. Если же вспомнить, что почти все публицисты «Нашей нівы» и создатели Белорусской социалистической громады придерживались социалистических убеждений, то разглядеть в них идеологов белорусской буржуазии будет достаточно сложно. Наконец, не менее спорным являлось использование на страницах учебных изданий для описания белорусского нациогенеза в начале XX в. термина национальное движение, поскольку «движение» подразумевает массовость, широкую поддержку среди населения. Однако голосование в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание в белорусских губерниях показало, что такой массовой поддержки не сложилось. Так, на выборах по Минскому избирательному округу список № 13 (Белорусская социалистическая громада) набрал 0,3 % голосов, столько же удалось собрать в Могилевском избирательном округе (список Белорусской социалистической громады № 8), а по Витебскому избирательному округу список сформировать вообще не получилось [1].

Источники

1. Воробьев, А. А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний : монография / А. А. Воробьев . – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010 . – 208 с.

2. Ковкель, И. И. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – Минск : «Аверсэв», 2000. – 592 с.
3. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2-х ч. / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.
4. Трещенок, Я. И. История Беларуси. В 2-х ч. / Я. И. Трещенок. – Могилев : МГУ им. А. Кулешова, 2003. – Ч. 1 : Досоветский период / Я. И. Трещенок. – 176 с.
5. Чигринов, П. Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособие / П. Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2007. – 463 с.

*А.А. Рахманова, преподаватель
Ф.А. Рахманова, преподаватель
Х.А. Мередова, преподаватель
ТГАСИ (Ашгабат)*

ОЦЕНКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1933 г. с приходом к власти в Германии А. Гитлера в стране резко возрастают реваншистские настроения. Нацистская пропаганда убеждает немцев в необходимости завоевания жизненного пространства на Востоке. В середине 1930-х гг. руководство Третьего рейха заявляет о неизбежности войны с СССР. Планируя нападение на Польшу в 1939 г. и предвидя возможное вступление в войну на ее стороне Великобритании и Франции, германское руководство решает обезопасить себя с востока. Так, в августе между Германией и СССР заключается Договор о ненападении, который разделил сферы интересов сторон на востоке Европы.

Для изоляции Советского Союза от Балтийского и Черного морей, Гитлер предполагал наступление на Москву возможным, только после захвата Прибалтики и Украины. Также он предполагал решить все проблемы, связанные с войной в Европе, в 1941 г., т.к. в 1942 г. Германия будет в состоянии вступить в войну с США [1, с. 98].

18 декабря 1940 г. внося некоторые уточнения в проект Гитлер подписал директиву № 21 верховного главнокомандования Вермахта, получившую условное наименование «Вариант Барбаросса» и ставшую основным руководящим документом в войне против СССР. Вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании», для чего предполагалось использовать все сухопутные войска за исключением тех, которые выполняли оккупационные функции в Европе.